

География и экономика российской пенитенциарной системы^[1]

Над темой номера
работала

Ксения
АВЕРКИЕВА^[2]

Пути изучения географии ФСИН

Исправительные учреждения России встроены в системы территориальных производственных отношений уже несколько столетий, но исследований их влияния на социально-экономическое развитие городов и районов немного. Причины этого кроются в отсутствии статистической информации и аналитических материалов, доступных исследователям, не интегрированным в систему ФСИН. Даже после рассекречивания архивов НКВД-МВД и публикации книги «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960. Справочник»^[3], материал которой буквально просился на карту и требовал географического анализа, географы почти не проявили интереса к вопросу.

Спустя 10 лет после публикации справочника в свет вышла работа П.М. Поляна и В.А. Колосова, посвящённая конструированию пространства сталинской эпохи^[4]. Основная часть работ по истории и географии системы исправительных учреждений советского периода принадлежит не географам, а историкам, в том числе, сотрудничающим с НКО «Мемориал», постепенно к ним стали присоединяться экономисты. Работа, посвящённая пространственной организации ГУЛАГа, проведена профессором РЭШ Т. Михайловой. Отдельные исследования проводили специалисты юридических специальностей (например, криминалисты, в числе которых – Я.И. Гилинский^[5]).

Исследования современной территориальной организации и экономики ФСИН скудны. Это связано как с отсутствием информации, так и с настороженным отношением научного сообщества к тонкому вопросу организации государственных институтов. Определённый интерес проявляют зарубежные учёные (например, исследования Дж. Пэллот в русле радикальной и феминистской географии). Наибольший интерес к процессам, происходящим в сфере исполнения наказаний, теперь проявляют правозащитники, которые нередко выступают инициаторами научных изысканий по вопросам тюремной экономики и географии. В целом, данная тематика включает в себя обширное поле вопросов, которыми традиционно занимается экономическая и социальная география. Первые попытки систематизации имеющейся в открытом доступе информации об учреждениях ФСИН и их производственной деятельности приводятся в данной работе.

Источниками информации для исследования послужили данные с сайта ФСИН и её региональных управлений, а также аналитические материалы, сайты отдельных исправительных учреждений, материалы форумов родственников заключённых^[6]. Не менее важным источником послужили экспертные беседы с представителями правозащитных организаций и рядом исследователей, которые принимали участие в цикле открытых семинаров Сахаровского центра по тюремной экономике^[7]. В рамках полевых работ были проведены несколько интервью с бывшими

начальниками исправительных учреждений и бывшими начальниками производственных участков колоний.

Целью данного исследования является анализ территориальной организации ФСИН и выявление влияния учреждений ФСИН на территориальные социально-экономические системы. Выявление закономерности формирования различных производств в зависимости от географического положения является немаловажной задачей, так как при сложившихся условиях для организации производственной деятельности ФСИН необходим поиск сфер деятельности, приносящих заключённым стабильный доход и позволяющих приобретать квалификацию, востребованную после освобождения.

История формирования сети исправительных учреждений России

Рассмотрение современной территориальной организации учреждений ФСИН невозможно без исторического анализа, поскольку эта система очень инерционна: большинство учреждений сохранилось с советского времени и дореволюционного периода. Общее распределение учреждений по территории России можно увидеть на рис. 1.

Рисунок 1. Территориальная организация учреждений ФСИН, 2012 г.

Источник: Составлено автором по материалам региональных управлений ФСИН

Тюремные учреждения в царской России тяготели в большей степени к губернским и уездным центрам, на базе старых «тюремных замков» сейчас чаще всего функционируют СИЗО. Реже места лишения свободы тяготели к регионам ресурсного освоения. Например, широко известны рудные копи Забайкалья («во глубине сибирских руд») или соляные месторождения Оренбуржья, служившие местом каторги.

Советская система исправительных учреждений была гораздо сложнее, и логика её формирования до сих пор вызывает дискуссии среди историков и экономистов. С одной стороны, широкое распространение получило мнение, что советские лагеря и колонии были исключительно экономическими единицами, а количество заключённых определялось потребностями в рабочей силе. Соответственно и территориальная организация системы лагерных учреждений объяснялась производственными задачами. Однако исследования архивных данных^[8] показывают, что количество заключённых не всегда коррелирует с производственными задачами ГУЛАГа.

Тем не менее, участие «спецконтингента» в освоении природных ресурсов в труднодоступных районах у исследователей сомнений не вызывает. Наиболее известные проекты – это строительство Беломорско-Балтийского канала, освоение лесных ресурсов на территории Карелии, Архангельской, Кировской, Нижегородской областей и республики Коми, «Дальстрой» с центром в Магадане, ставивший задачи освоения рудных месторождений Дальнего Востока, первая очередь БАМа и строительство Печорской магистрали вкупе с освоением Печорского угольного бассейна и ухтинских месторождений нефти.

Современные исследования территориальной организации объектов ГУЛАГа, в частности, работы Т. Михайловой^[9] и главы книги В.А. Колосова и П.М. Поляна^[10] показывают, что большая часть лагерей располагалась вовсе не в труднодоступных районах, а в зоне опорного каркаса расселения. Заключённые участвовали в промышленном и гражданском строительстве, а лагеря находились или в черте городов, или в непосредственной близости от них. Это не означает, что большинство индустриальных и гражданских объектов было выстроено силами спецконтингента, но говорит о том, что заключённые участвовали практически во всех крупных стройках, выступали как резервные силы в тех случаях, когда правительству не хватало ресурсов для реализации крупных проектов силами вольнонаёмных рабочих.

В качестве примера – выдержка исторического очерка ФБУ ИК-10 в г. Димитровграде Ульяновской области: *«Осужденные выезжали на строительные объекты г. Димитровграда и Мелекесского района. За этот период (1978-1991) были построены народнохозяйственные объекты: чулочносочная фабрика «Олимп», Мулловская суконная фабрика, Домостроительный комбинат, цех керамической плитки КСМ; объекты здравоохранения и социально-культурного назначения: кинотеатр «Мелекесс», терапевтический корпус ДААЗ, школа ДОСААФ, сельскохозяйственный техникум, жилые дома и клуб в с. Тиинск Мелекесского района и другие объекты.»*^[11] Многие учреждения пенитенциарной системы, возникавшие при крупных стройках, сохранились до настоящего времени. Даже в адресах многих современных исправительных учреждений угадывается их история и функциональное назначение – улицы Индустриальная, Промышленная, Заводская, Кирпичная, Лесная, Строительная, Рабочая, Металлургов и др.

На территории Европейского Севера помимо многочисленных учреждений лесного профиля, сохранившихся со времён ГУЛАГа и более поздних лагерей 1960-1970 годов, можно найти наследие многочисленныхстроек: объекты в окрестностях Плесецкого космодрома в Архангельской области, колонии при стройках крупных ЦБК ? Сокольского в Вологодской области, Сегежского в Карелии, объекты гидростроительства в пос. Шексна Вологодской области, наследиестроек металлургических предприятий г. Череповца, Надвоицкого и Кандалакшского алюминиевых заводов, учреждения при месторождениях руд цветных металлов Кольского полуострова и обслуживающей их инфраструктуры (т.н. «Кольлаг»).

Сохранившиеся учреждения Верхневолжья и Вятки помимо лесозаготовок («Вятлаг», «Унжлаг», Буреполомский и Варнавинский ИТЛ) также специализировались на «спецстрое» ? строительстве инфраструктуры для добычи фосфоритов в Кировской области, а также на нереализованных проектах гидростроительства (Усть-Куломская ГЭС и каналы, соединяющие бассейны Северной Двины и Вятки). Много заключенных работало на объектах промышленного и гражданского строительства в городах Нижегородской агломерации. В Чувашии исправительные колонии возникали при строительстве Чебоксарской ГЭС и г. Новочебоксарска. Отдельного рассмотрения

требуют колонии Мордовии – все они расположены в Zubovo-Полянском районе республики и относятся к наследию «Дубравлага» ? одной из немногих (если не единственной) системы лагерей, создание которой не преследовало экономических целей: здесь размещались особые лагеря для политзаключённых, совершивших «особо опасные государственные преступления».

В основе современных учреждений Центральной России также сохранилось немало объектов, унаследованных от советских лагерных управлений. Наиболее крупные – это гидростроительные лагеря. До сих пор сохранились колонии, возникшие на базе учреждений «Волголага» (Рыбинская и Угличская ГЭС в Ярославской области), строительные отряды при Костромской ГРЭС, силами которых возводились дамбы для водохранилищ-охладителей и другие гидротехнические объекты. Колоний на базе другого крупного гидростроительного лагерного управления – «Дмитлага» в Московской области – не сохранилось. Большое количество исправительных колоний возникло для инфраструктурного обслуживания «Мосбасса» (Подмосковного бурогольного бассейна), часть из них до сих пор существует на территории Смоленской (Сафоновский район и г. Сафоново), Рязанской (Скопинский район) и Тульской (Донской и Новомосковский районы) областей. Из возникших на базе многочисленных в советский период торфоразработок Центра до настоящего времени сохранились несколько исправительных колоний Ивановской области.

Значительное количество функционирующих в наши дни пенитенциарных учреждений возникало в региональных центрах и относительно крупных городах в годы масштабного гражданского и промышленного строительства. Наибольшее количество предприятий такого генезиса сохранилось во Владимире, Коврове, Рязани, в городах Калужской и Брянской областей. Многие объекты энергетики возводились при участии заключённых, но большинство колоний после строительства прекращали своё существование, а заключённых переводили на другие объекты. До нынешнего времени, помимо объектов гидростроительства, сохранились колонии, задействованные при строительстве Щёкинской ГРЭС в Тульской области и строительстве Десногорской АЭС в Смоленской.

Формирование современной сети исправительных учреждений Черноземья также осуществлялось на базе советских колоний. В довоенный период создавались преимущественно сельскохозяйственные коммуны или исправительные колонии при машинно-тракторных станциях. В послевоенные годы заключённые были активно вовлечены в восстановление жилищного фонда городов и в строительство промышленных предприятий (сахарные заводы в малых городах, Цементный завод в Липецке, инфраструктурные работы при ГОКах группы месторождений Курской магнитной аномалии и др.).

Большинство современных пенитенциарных учреждений Поволжья возникло на базе крупных строек объектов различного назначения: ГЭС, железных дорог, машиностроительных предприятий и объектов гражданского строительства в военные и послевоенные годы. До сих пор сохранилась цепочка колоний вдоль Волжской рокады (железной дороги Свияжск ? Иловля, построенной в годы Великой отечественной войны) – наследие Приволжского ИТЛ и «Волжлага». Современные исправительные колонии Татарстана унаследованы в большинстве своём со времён крупного строительства 1960-х годов: комплекс машиностроительных и нефтехимических предприятий Нижнекамска, химических предприятий Менделеевска, нефтяного комплекса в Альметьевске. В Ульяновской области колонии создавались при строительстве Ульяновского авиационного комплекса и промышленных объектов Димитровграда. В Самарской области с использованием труда заключённых строилась Куйбышевская ГЭС, многие промышленные объекты г. Тольятти, нефтеперерабатывающий комплекс Новокуйбышевска, ряд авиационных предприятий г. Самары. В Саратовской области многие учреждения – это объекты Приволжского ИТЛ, часть исправительных колоний осталась со времён «Сарлага», главной функцией которого было жилищное и промышленное строительство в Саратове и близлежащих городах. В Волгоградской области сохранившиеся учреждения – это наследие гидростроительства (Волгоградская ГЭС), строительства Алюминиевого завода и ряда военных объектов в окрестностях г. Камышина. Исправительные колонии Пензенской области создавались для строительства промышленных

предприятий (военно-промышленные объекты г. Заречного, химические и машиностроительные заводы Пензы) и обеспечения новых предприятий рабочей силой на контрагентских началах.

Многие пенитенциарные учреждения южных регионов возникли на базе сельскохозяйственных коммун, как и в Черноземье. Сельскохозяйственный профиль имеют и более поздние лагеря 1960-1970-х годов, создававшиеся для проведения агротехнических работ (например, «Рисоводстрой» в Астраханской области[12]). В других случаях исправительные колонии создавались для строительства и обслуживания крупных промышленных комплексов: шахт Донбасса, металлургических и машиностроительных предприятий Батайска и Новочеркасска, Краснодарского водохранилища.

На Урале и в Предуралье помимо лесозаготовок (особенно распространённых на территории Пермского края и на севере и востоке Свердловской области) при участии заключённых осуществлялось строительство наиболее крупных промышленных объектов: комплекса по добыче калийной соли в Березниках и Соликамске, нефтеперерабатывающих и химических заводов Уфы, Салавата и Стерлитамака в Башкортостане. В Оренбургской области большая часть существующих колоний унаследована отстроек металлургических предприятий Орско-Новотроицкого промышленного узла и газоперерабатывающего комплекса под Оренбургом. На территории горнозаводского Урала сохранилось большое количество исправительных учреждений, которые создавались для строительства металлургических предприятий (Чусовского, Богословского алюминиевого, Нижнетагильского, Челябинского) и освоения месторождений полезных ископаемых (в частности, Копейского угольного месторождения, бокситов Краснотурьинской группы и марганцевых месторождений недалеко от г. Ивделя). Помимо участия в строительстве предприятий (в т.ч. машиностроительных гигантов и спецстроя в Кыштыме и Златоусте), заключённые работали на объектах гражданского строительства – жилых кварталах Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Челябинска, ЗАТО Озёрного и др.

Освоение нефтегазовых месторождений проходило в те годы, когда принудительный труд уже не рассматривался как наиболее подходящий для решения подобных экономических задач. Поэтому на территории Западной Сибири возникло и сохранилось незначительное число исправительных учреждений. Исключения составляют колонии Ямало-Ненецкого автономного округа, часть из которых возникла в рамках освоения Печорского угольного бассейна и относилась к Воркутинскому ИТЛ, а остальные осуществляли свою деятельность на базе «Ямалнефтегазжелезобетона». Силами заключённых были построены заводы нерудных материалов, продукция которых шла на строительство магистральных газопроводов. На базе этих колоний существуют современные исправительные учреждения, в частности, колония пожизненного режима в пос. Харп. Аналогичный профиль деятельности был у учреждений ХМАО: заключённые были задействованы в инфраструктурном обеспечении месторождений, основные колонии сосредоточены вокруг Сургута и Нижневартовска (Нижневартовский газобензиновый завод был построен при участии заключённых).

Исправительные учреждения юга Западной Сибири в прошлом специализировались на гражданском строительстве в крупных городах, а также поставляли рабочую силу длястроек крупных промышленных объектов: Омских нефтеперерабатывающего и химических заводов («ОмскЛаз» и «Омскстрой»), Новосибирских машиностроительных предприятий (Каменский и Сибирский лагеря); заключённые участвовали в строительстве машиностроительных заводов Алтайского края. Для освоения угольных и рудных месторождений Кузбасса и Горной Шории, а также для их инфраструктурного обеспечения (строительства дорог, заготовки леса для шахтных крепей, гражданского строительства в городах и сельскохозяйственного снабжения лагерей) формировались многочисленные лагеря: Сибирский, Северо- и Южно Кузбасский, Кузбасский, Камышовый особый и ряд других. На их базе сформировались многие современные исправительные учреждения, которых в Кемеровской области насчитывается около 30.

Большое количество современных исправительных учреждений южных территорий Восточной Сибири унаследовано со времён строительства крупных инфраструктурных объектов: Байкало-Амурской магистрали (группы учреждений в окрестностях г. Тайшета, г. Вихоревки и др.), Богучанской ГЭС, подъездных путей к угольным месторождениям Канско-Ачинского бассейна. При участии заключённых строился Красноярский алюминиевый завод, Абаканский машиностроительный завод, урановый комбинат «Сибирь» в Хакасии и урановый завод в Ангарске, нефтехимический комплекс Ангарска, «Зимахимстрой» и др. Исправительные учреждения в сельской местности сохранились со времён лагерей для спецпереселенцев (преимущественно для раскулаченных крестьян). До сегодняшнего дня они специализируются на сельскохозяйственном производстве и лесозаготовках.

В Забайкалье наиболее старые исправительные учреждения специализировались на разработке месторождений полезных ископаемых, однако большая их часть до наших дней не сохранилась. Среди функционирующих учреждений остались лишь некоторые из тех, что были связаны с рудниками: Краснокаменская колония, созданная для строительства урановых шахт и инфраструктуры посёлков при них, и некоторые другие. Наибольшее количество существующих ныне исправительных колоний создано при гражданском строительстве в региональных центрах – Улан-Удэ и Чите, а также при возведении крупных производственных объектов – Гусиноозёрской ГРЭС, Читинского машиностроительного завода.

От наиболее крупных заполярных лагерных систем – «НорильЛага» и «Дальстрога», – специализировавшихся на освоении месторождений руд цветных и драгоценных металлов (никеля и платиноидов в районе Норильска, золота – в Магаданской области и в бассейнах рек Индигирка и Колыма), осталось совсем немного учреждений пенитенциарной системы. Хотя говорить об их исчезновении с карты было бы неверно – вместо лагерей теперь существуют относительно крупные города, созданные руками заключённых и населённых в значительной мере потомками бывших узников. На севере Красноярского края остались 2 исправительные колонии, в Магаданской области действуют 4 колонии в непосредственной близости от регионального центра, на территории Чукотского АО учреждений пенитенциарной системы нет, а на Камчатке действуют 2 колонии.

Исправительные учреждения на территории республики Якутия сосредоточены вокруг регионального центра, они создавались для промышленного и жилищного строительства Якутска. Среди исправительных учреждений ресурсного профиля сохранилась лишь Ленская колония, созданная в 1950-х годах для освоения алмазных месторождений в районе кимберлитовой трубки «Мир».

Обширная сеть лагерных учреждений сформировалась за годы советской власти на Дальнем Востоке: «ХабаровскЛаг», Восточный ИТЛ, Нижне-Амурский ИТЛ, Николаевский ИТЛ, Ворошиловское ЛО и другие. С применением труда заключённых были построены участки БАМа, осваивались месторождения полезных ископаемых Хабаровского края, строились портовые комплексы, военные и гражданские объекты многих городов Дальнего Востока. Многие существующие учреждения пенитенциарной системы действуют на базе советских учреждений, заключённые работают в портах и в цехах предприятий на контрагентских началах.

Большое количество исправительных учреждений советского периода давно прекратили своё существование, но всё же «опорный каркас» пенитенциарной системы был заложен именно в то время, и многие современные учреждения тяготеют к нему.

Современная география исправительных учреждений

Система исправительных учреждений ФСИН в настоящее время переживает изменения. В 2010 году была утверждена концепция развития УИС до 2020 года, от реализации которой уже решено отказаться, она предполагала меры, влекущие за собой серьёзные преобразования системы. Например, предполагался уход от сложившейся практики отбывания наказаний в исправительных

колониях и создание расширенной сети колоний-поселений для тех, кто совершил небольшие преступления, и расширение сети учреждений тюремного типа для тех, кто совершил тяжкие и особо тяжкие преступления. Реализация концепции требовала больших материальных затрат и мобилизации огромного количества ресурсов, которыми в настоящее время система не располагает.

Тем не менее, изменения происходят независимо от мер, предложенных в «Концепции-2020». За несколько лет (2012-2015) изменилась система наказаний применительно к несовершеннолетним правонарушителям, теперь в воспитательные колонии они попадают значительно реже. Поэтому многие воспитательные колонии были закрыты или перепрофилированы в женские исправительные колонии, так как в женских колониях уже не хватает мест. Кроме того, были закрыты 11 следственных изоляторов (как правило, расположенных вне региональных центров), а также около 40 исправительных колоний и колоний-поселений, преимущественно – в слабоосвоенных регионах. В основном, это были колонии, «выросшие» из лагерных пунктов послевоенного времени, застроенные временными бараками 1950-х годов, полностью изношенными, они отличались особенно неудобным транспортным положением, добраться до них можно было лишь по узкоколейным дорогам или зимникам, иногда – по воде или вертолётом.

В настоящее время обсуждается вопрос о закрытии ещё порядка 30 исправительных колоний^[13]. Закрытие исправительных учреждений связано не только с сокращением спецконтингента (за 2012-2015 годы количество отбывающих заключение сократилось примерно на 30 тыс. человек - с 680 до 650 тыс.), сколько с оптимизацией бюджетных расходов на содержание. Очевидно, что и организация производственной деятельности в удалённых колониях также затруднительна. Более подробно о закрытии исправительных учреждений, особенно в слабоосвоенных районах будет сказано ниже.

Прежде чем приступать к анализу современного размещения мест лишения свободы, стоит сделать несколько оговорок. Помимо информации о местоположении учреждения в открытом доступе в сети Интернет существует^[14] информация о режиме содержания и количестве мест – лимите наполняемости. Информации о реальном количестве заключённых в открытом доступе нет. Можно было бы сделать предположение, что количество мест и реальное количество заключённых в исправительных колониях и колониях-поселениях примерно совпадают, но сейчас это не так. Около 30 региональных управлений ФСИН разместили на своих сайтах информацию о текущем количестве заключённых. Обобщая эти данные, получаем, что в среднем количество отбывающих наказание составляет 79-80% от лимита наполняемости учреждений. Из-за смягчения наказаний для тех, кто не совершал тяжких преступлений, а также после амнистии в мае 2015 года стало много свободных мест в колониях-поселениях, в воспитательных колониях и в колониях общего режима

По количеству заключённых (по состоянию на июль 2015 года заключение отбывают около 650 тыс. человек) Россия занимает третье место в мире, уступая только США и Китаю^[15]. По относительным показателям (количество заключённых на 100 тыс. жителей) Россия находится на 10-м месте, хотя ещё в 2012 году была на 5-м. В России на 100 тыс. жителей приходится около 450 заключённых^[16], что сопоставимо с показателями небольших латиноамериканских стран (Сальвадора, Белиза и др.) и Таиланда. По относительным показателям количества заключённых Российскую Федерацию опережают США, небольшие островные государства, Туркменистан, Куба и Руанда.

Учреждения пенитенциарной системы имеются в 81 из 83^[17] субъектов федерации РФ. Исключения составляют Ненецкий АО и Чукотский АО. В каждом регионе существует как минимум следственный изолятор, как максимум – набор учреждений, куда входят СИЗО, тюрьма, исправительные колонии общего, строгого и особого режима (для мужчин и для женщин), колонии-поселения и воспитательная колония. Количество учреждений и их набор отчасти коррелируют с численностью населения региона, отчасти – со сложившейся системой исправительных учреждений, сохранившихся с советского периода. Тюрем как таковых сравнительно немного, они, в отличие от исправительных колоний, обычно расположены в крупных городах и тяготеют к наиболее плотно

заселённым пространствам, т.к. в этом случае требуются особые условия охраны и возможность своевременного вмешательства оперативных групп. Тюремные нередко имеют собственные названия (знаменитый «Владимирский централ», «Елецкая крытка» и др.), они распределены по территории России равномерно: 7 в Центральной России, две в Поволжье, по одной на Урале и в Восточной Сибири. Учреждения для отбывания пожизненного срока расположены в пяти регионах и имеют свои особые названия – «Вологодский пятак» на о. Огненный в Вологодской области, «Белый лебедь» в г. Соликамске Пермского края, «Чёрный дельфин» в г. Соль-Илецке Оренбургской области, «Чёрный беркут» в г. Ивделе Свердловской области и «Полярная сова» в пос. Харп ЯНАО.

Территориальная организация следственных изоляторов в данном исследовании подробно не исследуется. СИЗО имеются в каждом регионе: как правило, наиболее крупный расположен в региональном центре, а другие – в небольших городах (нередко – в исторических, тогда СИЗО расположены в старинных тюремных замках, что не всегда обещает адекватные современным требованиям условия содержания). Количество СИЗО в регионе во многом зависит от численности населения (за исключением республик Северного Кавказа, где изоляторов гораздо меньше, чем в среднем по регионам России).

На сегодняшний день система насчитывает порядка 850 исправительных, воспитательных, лечебных колоний, а также колоний-поселений. По количеству учреждений лидируют регионы ресурсного (в первую очередь, лесного) освоения – Красноярский и Пермский края, республика Коми, районы комплексного индустриального освоения (Свердловская и Кемеровская области, Приморский край) на каждый регион приходится по 20-35 учреждений. Аналогичный состав «лидеров» и по количеству мест (по сути – по количеству заключённых), из них выпадает лишь республика Коми, где большое количество исправительных колоний «смягчается» их небольшим размером, вместо Коми в число первых 5 регионов попадает Нижегородская область, где лесозаготовительные учреждения насчитывают до нескольких тысяч мест.

Таблица 1. Количество учреждений ФСИН и количество мест в учреждениях ФСИН по регионам России (топ-10), 2015 год

	регион	количество учреждений		регион	количество мест в учреждениях
1	Красноярский край	42	1	Свердловская область	39595
2	Свердловская область	36	2	Пермский край	29334
3	Пермский край	35	3	Красноярский край	28016
4	Кемеровская область	26	4	Нижегородская область	23645
5	Приморский край	25	5	Челябинская область	21367
6	Коми	22	6	Кемеровская область	21200
7	Кировская область	22	7	Новосибирская область	20455
8	Нижегородская область	22	8	Коми	20440
9	Челябинская область	22	9	Ростовская область	18500
10	Иркутская область	22	10	Иркутская область	18300

Источник: материалы сайтов региональных УФСИН

Региональная дифференциация удельной численности заключённых (количество мест в учреждениях ФСИН на 10 тыс. человек без учёта СИЗО) варьируется от 5 в Московской области до 236 в республике Коми. В целом же регионы с наибольшей удельной численностью заключённых (рис. 2) сосредоточены в регионах Европейского Севера, где при большом количестве мест лишения свободы невелика численность населения при устойчиво негативной её динамике: Мурманская, Архангельская, Кировская области, республика Коми, Пермский край; также регионы Сибири и Дальнего Востока – Красноярский и Камчатский края. Отдельного рассмотрения требует «признанный» лидер – республика Мордовия, где помимо большого числа лагерей и заключённых ещё и отмечается их высокая территориальная концентрация – все учреждения сосредоточены в пределах одного муниципального района. До недавнего времени (до 2005 года) «Дубравлаг» не входил в состав ФСИН и напрямую подчинялся министерству Юстиции РФ, что обеспечивало его наполняемость и особое положение.

В регионы с высокой удельной численностью заключённых попали Псковская и Магаданская области, а также Еврейская АО – такая ситуация объясняется не большим количеством исправительных учреждений и заключённых в них, а небольшой численностью населения, на фоне которой даже несколько (3-4) исправительных колоний будут выглядеть заметно.

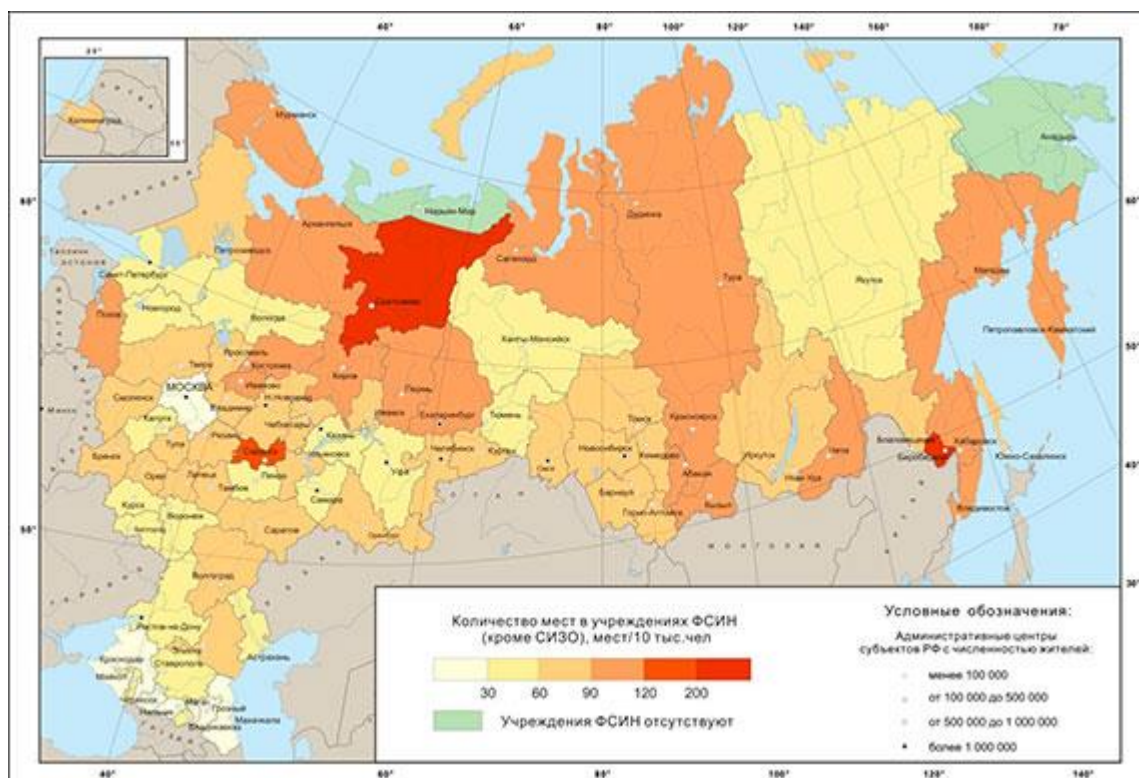

Рисунок 2. Количество мест в учреждениях ФСИН на 10 тыс. человек постоянного населения, 2014 год^[18]

Источник: региональные управления ФСИН РФ

Демографический вес "тюремного населения" в редконаселенных местностях

Исправительные учреждения, расположенные в сельской местности, в настоящее время наиболее активно затронуты процессами «оптимизации». Большинство упразднённых в 2012-2015 годах исправительных колоний и колоний-поселений размещались в сельских населённых пунктах и ПГТ.

Приведённые в нижестоящем разделе данные уже немного устарели, они были актуальны на момент начала крупных преобразований. Считаем целесообразным их привести, чтобы более наглядно показать возможные последствия ликвидации исправительных учреждений в слабоосвоенных регионах.

Если рассматривать размещение учреждений в системе городских и сельских поселений, то наблюдается довольно неожиданная картина: распределение заключённых (исходя из количества мест в учреждениях) довольно близко повторяет распределение населения по населённым пунктам различных категорий людности.

Как следует из рис. 3-4, доля заключённых, находящихся в сельских колониях, соответствует доле сельских жителей в среднем по стране. А доля тех, кто отбывает заключение в городах, ниже за счёт большого количества заключённых, находящихся в посёлках городского типа. Это вполне объяснимо, т.к. многие лесозаготовительные пункты имеют статус ПГТ и существуют во многом благодаря исправительным учреждениям. Тем не менее, сходная на первый взгляд картина во многом обманчива: основное количество сельских исправительных учреждений расположено в регионах с минимальным количеством сельского населения – на севере Европейской части России и в ряде регионов Восточной Сибири. Большая часть сельских колоний приходится на Свердловскую и Архангельскую области, Пермский край, республику Коми. Это хорошо видно на картограмме (рис. 5): самые «несельские» регионы России отличаются наибольшей долей сельских учреждений и удельной численностью заключённых в сельских исправительных учреждениях.

Рисунок 3-4. Распределение населения России и распределение заключённых по типам поселений, 2014 год

Источник: Рис. 3 – ВПН-2010, Рис. 4 – обработанные автором данные региональных управлений ФСИН РФ и других источников[19]

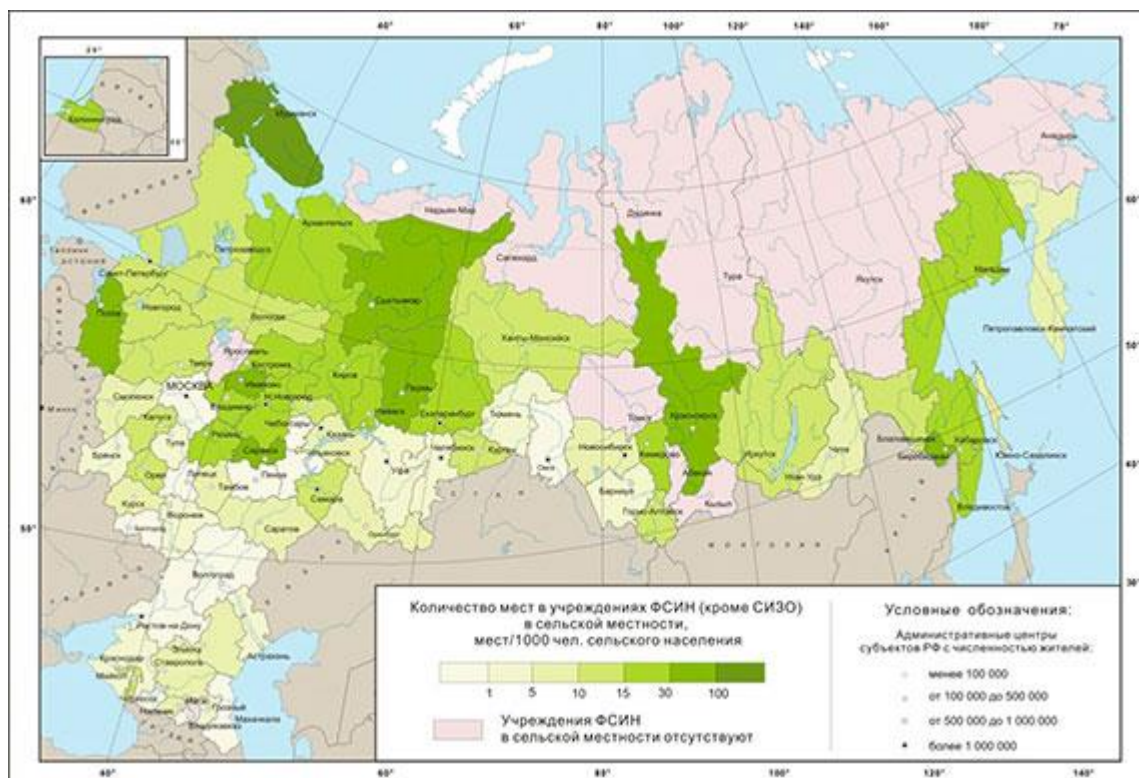

Рисунок 5. Количество мест в учреждениях ФСИН в сельской местности на 1000 человек сельского населения, 2012 год

Источник: тот же, что к рисунку 3-4

Диспропорции в размещении населения и расположении «сельских» колоний усиливаются при рассмотрении территориальной организации исправительных колоний в границах слабоосвоенных регионов. Большинство колоний Архангельской, Свердловской, Кировской областей, Пермского, Красноярского краёв и республики Коми разбросаны по труднодоступным лесным районам и представляют собой дисперсную сеть. Если обратиться к истории создания большинства таких колоний, основными мотивами их создания были «освоение труднодоступных участков леса» или решение других освоенческих задач в условиях дефицита местного населения. Часть задач была решена, а учреждения продолжают обслуживать созданные руками заключённых объекты: созданы лесопромысловые хозяйства, выстроены железные дороги и др. Часть задач выполнена и более не нуждается в присутствии «спецконтингента» (предприятия остановлены, исчерпаны месторождения полезных ископаемых), некоторые задачи так и не были выполнены (например, строительство каналов для отвода вод рек бассейна Северного Ледовитого океана в бассейн Волги). Казалось бы, в случае остановки предприятий или отказа от принятого в советские годы пути экономического освоения территории колонии должны были быть ликвидированы, но это не всегда так. Безусловно, большое количество лагерей и зон передислоцированы и закрыты, но есть и такие, которые продолжают существовать.

Каковы следствия подобных несоответствий? С одной стороны, насыщение сельской местности слабоосвоенных регионов учреждениями ФСИН способствует удержанию населения в сельской местности, снижает риск формирования незаселённых пространств. С другой стороны, заключённые в таких труднодоступных колониях лишены возможности регулярных свиданий с родственниками, в случае несоблюдения их прав к ним редко могут добраться представители правозащитных организаций. В удалённых от транспортной сети колониях трудно наладить

производство, поскольку тюремная экономика, несмотря на своё государственное подчинение, существует в условиях рынка, и нерентабельное производство не выживает.

Насколько были заметны пенитенциарные учреждения в системе сельского расселения отдельных муниципальных районов до последних реформ, видно в табл. 2. Так, например, экстремальные показатели были характерны для Гаринского района Свердловской области: заключённые (при условии, что количество заключённых примерно соответствовало лимиту наполнения исправительных учреждений) составляли до 60% от общей численности населения и до 90% (!) от численности сельского населения. По счастью, такой район в России один. Но районов, где заключённые в общей численности составляют 20-25%, а в численности сельского населения – 30-40%, уже больше. Столь высокий процент заключённых сказывался и на гендерном составе муниципальных районов: на фоне традиционно «женских» сельских районов приведённые в табл. 2 районы выделяются соотношением мужчин и женщин как 60% к 40%.

Таблица 2. Количество учреждений и мест в учреждениях ФСИН по отдельным муниципальным районам РФ, 2012 год.

регион	муниципальный район	количество учреждений ФСИН	количество мест в учреждениях ФСИН	% контингента в населении		
				в целом по району	в сельской местности	в городах и ПГТ
Свердловская область	Гаринский	4	2914	59,4	90,4	28,9
Пермский край	Чердынский	14	6680	27,2	30,4	22,9
Нижегородская область	Варнавинский	3	3630	27,2	36,7	-
Республика Коми	Княжпогостский	9	5475	23,4	47,0	14,5
	Удорский	6	4410	21,6	38,6	-
республика Мордовия	Зубово-Полянский	15	12675	21,4	23,7	18,3
Свердловская область	Тавдинский	3	1390	20,2	20,2	-
	Ивдельский	6	5605	19,5	30,0	15,8
Нижегородская область	Тоншаевский	3	3685	18,2	35,7	-
Кировская область	Верхнекамский	10	5945	18,2	31,0	13,4
Рязанская область	Скопинский	3	3640	13,4	15,4	-
Краснодарский край	Усть-Лабинский	7	5445	4,8	7,2	1

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2010 г. (www.perepis-2010.ru) и расчёты автора по открытым данным ФСИН РФ

В таблице для сравнения приведён также Усть-Лабинский район Краснодарского края, где численность заключённых составляет свыше 5000 человек (это довольно много для одного муниципального района). На фоне многочисленного сельского населения эта величина становится незначительной – заключённые составляют всего 5%. Это ещё раз подчёркивает, что пенитенциарные учреждения располагаются не только в слабозаселённых территориях, но и в

ареалах с высокой плотностью сельского населения, но там их влияние на систему расселения и экономику территорий меньше.

Данные приведённой таблицы уже устарели: за последние два года были ликвидированы 3 из 4 колоний в Гаринском районе Свердловской области, сейчас там могут находиться не более 700 заключённых в последней колонии, находящейся в районном центре. Из 14 колоний в Чердынском районе остались лишь 4 наиболее крупные. В республике Коми наиболее заметные преобразования коснулись Удорского и Княжпогостского районов, в каждом из них были ликвидированы по 3 колонии, и сейчас доля спецконтингента в общем количестве сельских жителей стала не столь заметной. В Центральной России удалённые сельские колонии пока сохраняются, но там наблюдается «недобор» заключённых.

Неоднозначные последствия закрытия удалённых "зон"

Размещение исправительных учреждений в районах с чрезвычайно низкой плотностью населения предопределяет крайне низкую транспортную доступность колоний. В первую очередь, это оборачивается тяжёлыми условиями содержания (трудности продовольственного снабжения удалённых колоний и слабая инфраструктурная обеспеченность: печное отопление барачных, отсутствие инженерных коммуникаций) и создаёт благоприятные условия для развития «неустановленных» отношений – слишком далеко они расположены, чтобы на жалобы заключённых могли бы оперативно отреагировать региональные правозащитные органы. Как отмечается в одной статье, *«от претензий со стороны правозащитников колонию спасает ее труднодоступность»*^[20].

Ещё одна группа последствий размещения исправительных учреждений на удалённых территориях – это формирование особого рынка труда для местного населения. В условиях отсутствия альтернатив занятость в охране колоний – это желанная для большинства молодых трудоспособных мужчин (а в последнее время – и женщин тоже) работа. Более того, отдельные администрации сельских и городских поселений начинают воспринимать пенитенциарные учреждения как желанные объекты экономики, которые дают стабильный заработок населению, выплачивают налоги в местный бюджет и дают и дополнительный мультипликативный эффект.

Этическая сторона такой работы давно никого не беспокоит. К тому же почти все учреждения ФСИН предлагают своим сотрудникам дополнительные блага – свежие продукты из подсобного хозяйства, возможность пользоваться ведомственной инфраструктурой, участие в различных мероприятиях регионального масштаба (образовательные семинары, командные игры, конкурсы красоты «Мисс-УИС», соревнования по различным видам спорта и т.п.). Работа в структурах ФСИН воспринимается как стабильная, предоставляющая возможности для карьерного роста, высокооплачиваемая. Помимо рабочего места сотрудники получают форму и питание, что в сельской местности и малых городах бывает немаловажно.

В качестве примера – г. Новая Ляля в Свердловской области, градообразующим предприятием которого является целлюлозно-бумажный завод. На нём трудоустроены около 900 человек, заработная плата составляет около 6-7 тыс. рублей, и только у сотрудников гидролизного цеха около 15 тыс. Ещё около 1000 занятых – это сотрудники исправительной колонии, где заработная плата составляет не менее 20 тыс. рублей при лучших условиях труда и наличии социальных гарантий. Сейчас устроиться на работу в колонию очень трудно, есть огромный конкурс на каждую вакансию, в котором на равных участвуют мужчины и женщины.

Аналогичная ситуация – пос. Рудничный в Верхнекамском районе Кировской области: *«Главная беда жителей Рудничного – отсутствие работы. Пока выручает расположенное на окраине посёлка ФБУ ИК-3. В этой колонии трудится немало жителей посёлка, в основном молодые здоровые ребята. Те, кому не повезло, ездят служить на север, в учреждения УРЮОУХД УФСИН РФ по Кировской области (так теперь, после многочисленных реорганизаций, именуется*

печально знаменитый Вятлаг)»[21]. Как видно из приведённой цитаты, возможность работать в системе ФСИН воспринимается местными жителями как большое везение.

Автору известны случаи, когда охранниками в исправительные учреждения уходили работать даже сотрудники районной администрации с высшим образованием (*«заработная плата даже выше, спрос – меньше, всё понятно, что надо делать»*).

Ещё одной проблемой в таких «моноспециализированных» посёлках при исправительных колониях является определённая преемственность сотрудников и сохранение старых методов работы с заключёнными, основанных на лагерном опыте работы охранников. Как в условиях ограниченного набора трудовых ресурсов реформировать работу с «контингентом» и совершенствовать программы исправления, а не изоляции преступников – неясно.

Показательна судьба исправительных колоний и самого посёлка Пуксинка в Гаринском районе Свердловской области. В 2014 году была закрыта последняя колония. Её транспортную доступность характеризовали так: *«посёлок Пуксинка находится на левом берегу реки Тавды. Удаленность от Екатеринбурга 626 км. Расстояние до районного центра (Гари) – около 60 км по дороге (действует только зимой). На протяжении 8-9 месяцев в году Пуксинка не имеет наземного сообщения с внешним миром. В межсезонье добраться можно только вертолетом по маршруту: Сосьва – Гари – Пуксинка (2 раза в неделю). В период навигации – водным транспортом. Когда замерзают реки и болота, в Пуксинку прокладывается зимняя автодорога (зимник) из Гарей – районного центра»*[22]. Неудивительно, что «зоны» в Пуксинке – одни из самых голодных и отличающихся суровыми порядками.

Положение последней закрывшейся колонии ИК-14 было очень тяжёлым: *«ИК-14 имеет долги около 20 миллионов по налогам. Заблокированы счета. Зарплату платить нечем, спецконтингенту платить тоже нечем. На сегодня ИК-14 сама погасить долги не может – здесь нет производства, и его невозможно организовать. Раньше тут занимались лесом, но сегодня только транспортные расходы увеличат его стоимость в два раза»*[23]. Очевидно, что строить дорогу к посёлку не будут (слишком дорого в данных природных условиях), поэтому единственным решением становится закрытие колонии и передислокация спецконтингента, но этому препятствуют местные жители, которые не готовы уезжать из Пуксинки, и понимают, что в случае закрытия ИК они не смогут найти другой работы. ГУФСИН по Свердловской области вело долгие переговоры о закрытии колоний с региональной и районной властью. Колонии закрывали постепенно, сначала закрыли колонию-поселение, потом снижали лимит наполнения в ИК-14. В 2014 году колония была ликвидирована, заключённые переведены в г. Ивдель – «столицу» пенитенциарной системы Свердловской области, где расположены 5 исправительных учреждений.

Что стало с самим посёлком Пуксинка? Судьба любых населённых пунктов, оставшихся без «градообразующей базы», всегда печальна. Как показал опыт г. Кизела[24] и его посёлков-спутников, расселение специалистов по системе жилищных сертификатов даёт весьма сомнительный результат. Сертификатов не хватает на всех, схема их распределения – непрозрачна. Даже среди получивших сертификаты всегда остаются группы жителей, которые по рациональным или иррациональным причинам отказываются покидать родные места. Нередко практикуется система, когда по жилищному сертификату родители покупали квартиры детям, а сами оставались в «расселённых» посёлках. Была и другая практика: жилсертификаты использовали для покупки жилья в других городах, потом эту квартиру продавали, выкупали своё прежнее жильё в посёлке за бесценок, и долго жили на разницу в цене.

Судьбой посёлка Пуксинка заинтересовались после того, как угроза закрытия исправительных колоний нависла над пос. Сосьва в соседнем Серовском районе Свердловской области. Чтобы понять, что происходит с посёлками после ликвидации колоний, в Сосьву и Пуксинку отправились журналисты телеканала «Дождь» и журнала «Сноб»[25]. Их репортажи вышли довольно эмоциональными, и показали две основные беды: нехватку жилищных сертификатов (они положены

только сотрудникам системы ФСИН, размер пропорционален стажу) и наличие глубокой привязанности к своей малой родине. Это оборачивается тем, что посёлки остаются «полуживыми», не имеют своей базы, отягощены огромными издержками на поддержание инфраструктуры. Им трудно ждать помощи от районных властей, поскольку управленцам такие посёлки неинтересны, издержки слишком высоки, а налогов от них почти не поступает.

Опасаясь такой судьбы, жители посёлка Сосьва весной 2015 года выходили на митинг^[26] против закрытия колоний. Митинг был небольшой, на него пришли около 200 человек, в основном, местные депутаты, предприниматели, родственники и соседи сотрудников системы ФСИН, а самим сотрудникам участвовать в мероприятии запретили под угрозой увольнения. Все понимали, что закрытие колоний приведёт к стремительному умиранию посёлка. Сейчас колонии очень помогают местным бюджетам: высокие заработные платы сотрудников дают хороший НДСЛ, который хотя бы частично оседает в местном бюджете, а сейчас это одна из главных доходных статей бюджетов сельских и городских поселений. Мультипликативный эффект колоний тоже большой: помимо рабочих мест (в колонии на 1000 мест находят работу около 300-400 человек) появляются и дополнительные возможности заработать (такси для родственников заключённых, торговля). Закрытие учреждений действительно остановит жизнь посёлка.

В очередной раз мы сталкиваемся с проблемой отсутствия опыта «управляемого сжатия» территорий, когда и ликвидировать населённые пункты целиком никто не умеет, и оптимизировать пространство «полуживых» посёлков – тоже. И всё это осложняется низкой мобильностью населения, которое не желает оставлять привычное жильё.

Примеры более радикального решения проблем ликвидации «нерентабельных» исправительных учреждений есть в Архангельской области. В наследие от Онежского УЛИУ (управление лесных исправительных учреждений) в Плесецком районе осталось множество небольших лагерных пунктов, ставших небольшими колониями-поселениями. В 2013 г. было принято решение о ликвидации отдельных учреждений, и 5 посёлков ожидала участь остаться доживать в лесном краю. Но здесь произошло неожиданное событие. По словам одного из сотрудников ГУФСИН по Архангельской области^[27], в процесс выдачи жилищных сертификатов сотрудникам системы вмешался один из жителей посёлка, который не имел отношения к ФСИН. Он обратился в суд, обосновывая, что выдача сертификатов только сотрудникам обрекает на гибель оставшихся жителей, которые теряют любую возможность к выживанию кроме натурального хозяйства, ведение которого весьма сомнительно в этой природной зоне. Он выиграл суд, и жилищные сертификаты получили все жители посёлков независимо от опыта работы в системе исправления наказаний. Насколько удачной оказалась такая практика и удалось ли полностью расселить посёлки в Плесецком и Пинежском районах, пока не известно, этот вопрос требует дополнительных исследований и очень интересен как прецедент.

Вопрос о том, где вообще стоит размещать исправительные учреждения – в удалённых районах или поближе к основной полосе расселения – до сих пор не имеет однозначного ответа. Есть мнение, что территориальная изоляция снижает ряд угроз, в частности, в случае бунта в колонии или побега заключённых. Беглецов проще поймать в лесах и болотах, чем в крупном городе, да и последствия бунта в городе могут быть куда более страшными. С другой стороны, можно, стоит иначе выстраивать систему охраны, чтобы снижать вероятность побега или бунта? В пользу сохранения удалённых колоний говорят и идеи колонизации пространства: кто ещё будет жить в слабоосвоенных районах, поддерживать редкую сеть населённых пунктов?

Другая сторона вопроса – это проблемы продовольственного снабжения заключённых и поддержания порядка в колониях. Как показывает анализ статистики отдела УФСИН по Архангельской области^[28], наибольшее количество нарушений режима и изъятий запрещённых предметов (в первую очередь, мобильных телефонов и алкоголя) в относительном выражении оказалось максимальным в колониях Плесецкого и Коношского районов, удалённых от Архангельска на 200 км и имеющих худшую транспортную доступность в области. Возможно, эта статистика

говорит об обратном: в этих колониях более бдительные сотрудники и более строго ведётся учёт правонарушений, но всё же такие показатели заставляют задуматься. В то же время множество нарушений режима зафиксировано и в самом Архангельске, хотя здесь это может быть связано со спецификой контингента, отбывающего наказание в колонии строгого режима.

Таблица 3. Нарушения режима отбывания наказания, обобщённо по районам Архангельской области, 2012 год

Районы размещения исправительных учреждений	на 100 заключённых		
	изъято телефонов, шт.	изъято алкоголя, литров	количество злостных нарушений режима
Плесецкий	32	10,5	1899
ГО Архангельск	49	2,2	1192
Коношский	124	4,6	1189
Пинежский	31	0	1087
Холмогорский	140	0,86	944
Вельский	0	0,25	773
Котласский*	18	2,1	772
Онежский	2	0	680
Приморский	2	0,22	488

* В состав Котласского района не входят ГО Котлас и ГО Корьяжма, но условно они были отнесены к его территории, т.к. географически расположены в его пределах

Источник: бюллетень о работе регионального отдела УФСИН по Архангельской области, 2013 г.

Низкая транспортная доступность исправительных учреждений влияет и на возможность организации производства (расстояния делают многие виды экономической деятельности нерентабельными), и доступность колоний для правозащитников, и, что не менее важно, доступность колоний для родственников тех, кто отбывает наказание. Как показывают и зарубежные, и российские исследования^[29], общение с близкими и ощущение поддержки – один из основных инструментов ресоциализации заключённых. Для поездки на свидание с мужьями, находящимися в колониях, женщины тратят не менее 10 тыс. рублей, часто – больше, особенно если колония расположена далеко. Им приходится везти продукты для передач за сотни и тысячи километров, перемещаясь на поездах, автобусах, по узкоколейной дороге и на попутках.

Можно ли говорить о перевоспитании и ресоциализации преступников, помещая их в тяжёлые условия, лишая возможности поддерживать связь с родственниками, обрекая на отсутствие возможности работать? Вопрос очень непростой, потому что юристы из ФСИН говорят о том, что возможность рецидивов зависит именно от глубины изоляции человека от социума, и что повторные правонарушения реже совершают те, кто отбывал продолжительный срок и был максимально изолирован от общества. Правда, нигде не говорится о том, насколько буквально можно понимать «изоляция», ведь исключить человека из привычного круга общения можно и не отправляя его за тысячи километров, но строго отслеживая его общение. «Добыть» мобильный телефон или смартфон сейчас могут многие заключённые, и для каких целей он будет использован – большой вопрос.

Возможно, открытая статистика о количестве рецидивов среди освободившихся из колоний различной удалённости могла бы показать, насколько «наказание географией» может влиять на судьбу заключённых после освобождения, но в открытом доступе её нет. Анализ таких показателей мог бы подсказать, что важнее для ресоциализации и исправления заключённых, как удалённость колоний влияет на общение с семьёй, возможности организации работы и, главное, на дальнейшую судьбу узников. Остаётся только надеяться, что внутри системы какая-то аналитика ведётся, и хотя бы для внутреннего пользования такие данные собираются.

Зачем нужен труд в колониях?

Вопрос тюремного производства и труда заключённых вызывает множество дискуссий. С одной стороны, выдвигаются мнения об обязательности труда заключённых и даже необходимости перевоспитания преступников посредством трудовой деятельности. С другой стороны, обсуждаются правовые основы использования труда заключённых и соблюдения международных норм, которые не столь однозначно подходят к вопросам трудового перевоспитания. В настоящее время система исполнения наказаний полна противоречий: согласно УИК, труд заключённых является обязательным, и отказ от трудовой деятельности является нарушением режима наказания. В то же время, с 1997 года в УИК существует поправка, что «администрация обязана обеспечить заключённых работой, исходя из наличия рабочих мест». Если рабочих мест недостаточно, заключённые могут не работать. В интервью, проведённых автором с теми, кто находится «около тюрьмы» (бывшими начальниками исправительных учреждений, родственниками сотрудников и т.д.) сейчас нередко можно услышать, что «*на зоне работает тот, кто хочет работать*». И такая оценка недалека от реальности. Из-за резкого сокращения объёма тюремного производства лишь немногие заключённые могут быть обеспечены работой, поэтому рабочие места получают те, кто действительно имеет стимул к труду.

Почему упало тюремное производство? Причины сокращения объёмов выпуска различной продукции кроются в тех же процессах, которые охватили Россию в 1990-х годах: многие производства не смогли выжить в условиях рынка. Производственные участки колоний часто функционировали как цеха гражданских предприятий, выполняя отдельные операции в общем техническом процессе. С остановкой производства «на воле» вставляли и тюремные цеха. В случае с лесозаготовительной деятельностью производство сокращалось вслед за исчерпанием ресурсов и ростом издержек транспортировки продукции: реки мелели, молевой сплав был запрещён в 1995 году, узкоколейные дороги постепенно приходили в негодность, лесовозные трассы разрушались. В рыночных условиях размещение производства в удалённых от основных транспортных магистралей районах стало невыгодным, производственным цехам удалённых колоний становится всё труднее получить заказы.

По разным оценкам, сейчас работают около 25-30% заключённых, что чуть больше, чем несколько лет назад. Повышение доли трудоустроенных заключённых в большей степени связано с динамикой количества спецконтингента: чем меньше заключённых, тем выше доля получивших рабочее место. По мнению правозащитника А.В. Бабушкина^[30], сейчас работают либо те, кто хочет получить условно досрочное освобождение, либо энтузиасты, либо заключённые, желающие улучшить своё материальное положение (как правило те, кто не получает денежных переводов с воли). При этом обязаны трудиться около 81% заключённых (остальные 19% освобождены от труда по состоянию здоровья или по иным причинам).

Вопрос мотивации к труду тоже остаётся открытым. Многие заключённые (не считая тех, кто не работает «по понятиям») не стремятся работать, т.к. по закону до 75% от их заработной платы удерживается либо на содержание, либо на погашение исков. В случае погашения исков претензий со стороны заключённых, как правило, нет. Но тот факт, что даже при отсутствии исков у заключённого на руках (по факту – на карточке) остаётся лишь 25% заработанных средств, вызывает негодование. УИК предусматривает, что заключённый должен получать не менее 25% заработка, что системой чаще трактуется как «и не более 25%». Такая находка (удержание средств за

содержание из заработка) появилась в 1990-х годах, когда колонии оказались в крайне тяжёлом материальном положении. Сейчас ситуация улучшилась, но порядок остался прежним. Возможно, какая-то доля заработка заключённых действительно могла бы идти на их же содержание, ведь ФСИН обходится налогоплательщикам в 125 млрд. бюджетных расходов ежегодно. Но при этом в одинаковых условиях содержатся и те, кто работает, и те, кто на работу не ходит. Такое положение вещей вызывает недовольство заключённых и снижает мотивацию к труду: мало того, что заработки низкие (часто не выше МРОТ при условии соблюдения норм выработки), от которых остаётся лишь 25%, так ещё и условия те же, что и для неработающих заключённых. В лучшем случае, увеличиваются шансы получить УДО.

Почему труд важен для заключённых? Существуют разные мнения. Специалисты по женским колониям^[31] говорят и об особых психологических потребностях в труде женщин, отбывающих наказание, и о том, что лишь на производстве многие могут побыть наедине со своими мыслями и оторваться от повседневности тюремного быта. И мужчинам, и женщинам производственная деятельность позволяет приобрести новые навыки, хотя нередко профессии, которым можно обучиться за решёткой, не соответствуют требованиям рынка труда на воле. Работа меняет баланс времени заключённых и всё-таки позволяет заработать какие-то средства. Важно найти правовую основу трудовой деятельности отбывающих наказание и совершенствовать условия труда за решёткой.

Ещё одна проблема обеспечения заключённых работой и организации производства в колониях – это квалификация самих заключённых. Как бы дико это ни звучало, но начальники производственных участков всё чаще говорят о том, то *«не те нынче пошли заключённые»*. Если раньше в колонии (помимо криминальных авторитетов и «блатных», которые никогда не отличались стремлением к работе) попадали люди, получившие хотя бы среднее образование и имеющие опыт работы на производстве, то сейчас всё чаще в колониях оказываются нарушители закона, не имеющие даже среднего или профессионального образования без какого-либо опыта работы. Они ничего не умеют, а также не умеют и не хотят учиться. Чтобы наладить производство, требуется сначала обучить заключённых (*«а раньше мы и сами у них многому учились!»*^[32]), приглашать специалистов, которые могли бы подготовить кадры и сами умели обращаться с оборудованием. Кадровый вопрос сейчас актуален и в этой системе. Если найти охранников не так трудно (высокие заработные платы привлекают многих, и получить «корочку» об образовании тоже можно), то найти квалифицированных инженеров, которые были бы готовы работать в системе – большая проблема, особенно для колоний, расположенных вне крупных городов.

Оценки доли занятых в исправительных учреждениях сильно варьируют по различным исправительным учреждениям. Есть исправительные колонии, где практически невозможно организовать производство, а есть такие, которые с трудом справляются с количеством заказов, и там возникают проблемы иного рода: заключённые работают сверх всяких норм, и их работа практически ничем не регламентируется. Особенно тяжёлая ситуация складывается в женских колониях, которые специализируются на швейном производстве и всегда имеют заказы. Отбывшие срок женщины жалуются на непосильные нагрузки, ненормированный рабочий день.

Правовое регулирование труда – вопрос нерешённый и болезненный для системы. Труд заключённых не регламентируется УИК, т.к. предполагается, что правовые основы труда рассматривает Трудовой кодекс РФ. При этом в ТК главы, посвящённые использованию труда заключённых, отсутствуют. Поэтому сейчас региональные управления подходят к вопросам регулирования труда заключённых индивидуально. Например, трудовые договора с заключёнными заключают лишь в 30% регионов, при этом в Пермском крае их не заключают, ссылаясь на юридические ограничения (для заключения трудового договора требуется волеизъявление участников, а это невозможно в связи с обязательностью труда заключённого), в Томской области трудовые договора заключаются обязательно, а в Ленинградской области полнота трудового договора – предмет прокурорской проверки^[33]. Аналогичная ситуация с нормами выработки, которые каждое региональное управление ФСИН устанавливает по-своему. До сих пор юридически не ясна природа труда заключённых. Если он является их обязанностью, то все нормы должен

рассматривать УИК, но, по нормам международного права, такой труд не может служить для коммерческой выгоды. Если труд – это право заключённых, то его регулированием должен заниматься государственный трудовой кодекс, а производства должны быть выведены из подчинения ФСИН и вышестоящему министерству (Юстиции). Единого понимания этого вопроса пока нет.

Новая реформа тюремного производства, запущенная в пилотном режиме в 2014 году в нескольких регионах, предполагает, что производственные участки будут выведены из колоний, но останутся в системе ФСИН и будут подчиняться «Торговому дому ФСИН», который возьмёт на себя организацию производства (поиск заказчиков, поставки оборудования, сбыт и др.). Это делается для того, чтобы увеличить объёмы производства и упростить схему взаимодействия предпринимателей с производственными участками исправительных колоний. Организация бизнеса с трудом заключённых – авантюра очень рискованная. Низкий уровень оплаты труда – это правда лишь отчасти, потому что бухгалтерии в исправительных колониях в заработную плату закладывают средства на содержание самих заключённых и инфраструктуры колонии, в итоге заключённые действительно получают маленькую зарплату, а предприниматель расходует на заработную плату немалые средства. Кроме того, никто не застрахован от произвола начальников колоний, которые нередко хотят иметь свою долю в тюремном бизнесе.

Теоретически, «Торговый Дом ФСИН» должен взять на себя все посреднические функции, в качестве гаранта на торгах будет выступать Сбербанк России. Управление заказами на производство будет распределяться централизованно из Москвы, что уже вызывает сомнения, как и рыночный принцип получения заказа: его получит та колония, которая обладает необходимым оборудованием и квалификацией «работников». В таком случае колонии с лучшим оборудованием и наиболее удобным экономико-географическим положением будут иметь стабильные заказы, а оказавшиеся на периферии учреждения, а также те, чья производственная база не позволяет наладить современное производство, останутся без заказов и не смогут обеспечить заключённых работой. Как же быть с положениями УИК об обязательности труда и с социальной функцией исправительных учреждений?

Прибыль от производства также будет сосредоточена в центральном аппарате управления Торговым домом ФСИН, её планируется инвестировать в оснащение новых производственных участков. Кто и как будет определять очередность инвестиций – пока неясно.

География тюремного производства

Современная производственная деятельность, как и современная территориальная организация учреждений ФСИН, во многом унаследована от советского времени. После расформирования ГУЛАГа производственные отношения и система использования труда заключённых изменились. Заключённые стали реже участвовать в строительстве различных объектов и чаще занимались производством на территории исправительных учреждений. Производственные цеха в колониях были встроены в систему плановой экономики, поэтому разрыв производственных связей в 1990-х годах тяжело сказался и на их экономическом положении. В лучших условиях были учреждения, расположенные в больших и крупных городах, которые смогли подключиться к обслуживанию жилищно-коммунального хозяйства и тех предприятий, которые сохранили или возобновили свою деятельность в 2000-е годы. В более тяжёлом положении оказались колонии, существующие на территории малых городов, утративших индустриальную базу, а также сельские колонии, расположенные в зоне истощения природных ресурсов.

В настоящее время колонии работают как на внутрисистемные нужды, так и на рынок. На территории колонии может производиться продукция, предназначенная для свободной продажи или сделанная на заказ. Юридические лица могут размещать заказы на изготовление определённого вида продукции в исправительной колонии, если квалификация заключённых и оборудование производственной площадки позволяют её изготовить (либо они могут установить собственное

оборудование на территории производственного цеха колонии). Примеры успешной организации «рыночного» производства приводили различные издания (серия интервью с предпринимателями, сотрудничающими с ФСИН, подготовленная в рамках журналистского расследования журнала FORBES[34], публикации журнала «Эксперт»[35] и др.). Предприниматели (как из числа бывших заключённых, так и люди, в прошлом не имевшие отношения к системе исполнения наказаний) организовывали в тюрьмах различные производства: от пошива перчаток и изготовления ритуальных принадлежностей до металлургического производства. Не под заказ в колониях часто выпускается сувенирная продукция, спортивные товары (в том числе и футбольные мячи с логотипом «Владимирский централ», хотя обычно никакой маркировки на изделиях, произведённых за решёткой, не ставится), туристический ассортимент, товары для дачи, швейные изделия.

Наличие потенциальных заказчиков и ассортимент продукции во многом зависят от общей экономической ситуации на территории, развитости рыночных отношений и ряда других факторов. Именно поэтому на организацию тюремной экономики большое влияние оказывают такие экономико-географические условия, как местоположение исправительных учреждений в системе город-село и в системе центрально-периферийных отношений, транспортная доступность колоний, региональные и локальные институциональные условия.

По словам начальника финансово-экономического управления ФСИН О.А. Коршунова[36] (экономиста по образованию, автора идеи Торгового дома ФСИН), на 2013 год в системе ФСИН действовали 587 участков трудовой адаптации заключённых, ежегодный объём выпуска продукции оценивается в 31 млн. рублей, половина производимой продукции идёт на внутрисистемные нужды. В системе производится до 100 тысяч наименований продукции, хотя участвовать в торгах могут только около 150 наименований.

Единственным доступным показателем при анализе развития «тюремной экономики» является количество цехов или видов деятельности, который рассчитывался автором на основании сведений об исправительных учреждениях, опубликованных в сети Интернет[37]. Количество цехов (в одном исправительном учреждении может быть несколько различных производственных цехов) и их специализацию можно увидеть на рис. 6. К наиболее распространённым отраслям специализации тюремного производства относятся деревообработка (365 цехов), швейное производство (310 цехов) и металлообработка (234 цеха, к ней отнесены все виды работ с металлом, включая литьё и ковку). Суммарно эти отрасли специализации дают почти половину (48%) от общего количества производственных цехов.

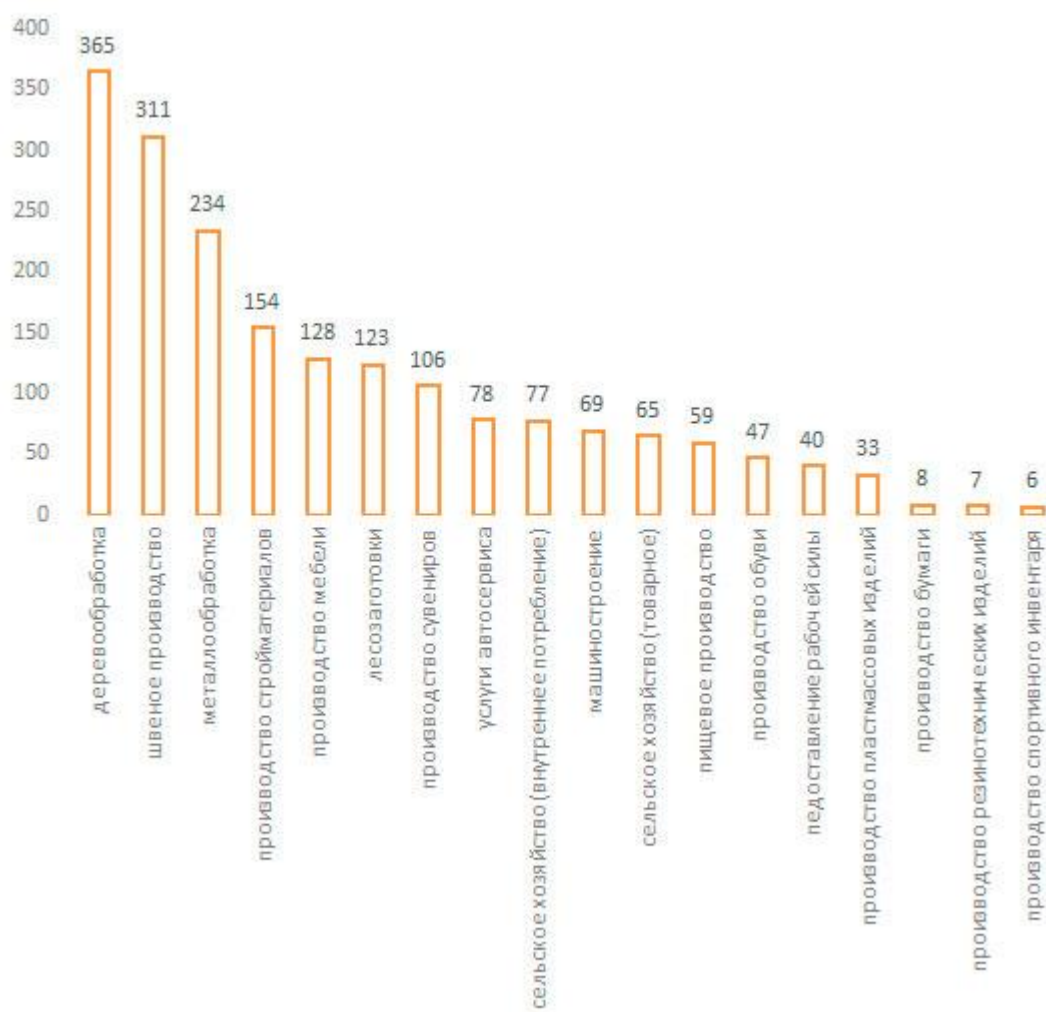

Рисунок 6. Количество цехов по видам производства по исправительным учреждениям, 2013 год

Источник: сайты региональных управлений ФСИН и сайты отдельных учреждений пенитенциарной системы

Все отрасли, связанные с лесом – лесозаготовка, деревообработка и производство мебели – дают суммарно 1/3 от общего количества цехов. Лёгкая промышленность – производство одежды и обуви – 17%, хотя рассчитать то, какой объём производства и какое количество занятых приходится на эти 17% цехов, не представляется возможным. Не исключено, что именно они обеспечивают основную занятость. СМИ со ссылкой на источники ФСИН приводят данные[38], что на швейное и обувное производство приходится до 25% от общего объёма продукции, выпускаемой в системе, ежегодно производится швейных изделий и обуви на 6-8 млн рублей.

Набор отраслей специализации во многом зависит от местоположения исправительных учреждений. Общая закономерность состоит в том, что чем ближе учреждения расположены к крупным городам, тем шире набор отраслей специализации и выше доля наиболее сложных производств, а также выше доля рыночных производств. На рис. 7 видно, что набор отраслей специализации увеличивается по мере укрупнения населённых пунктов, где размещены колонии,

также меняется соотношение количества цехов: в крупных городах количество максимально и соотношение различных отраслей специализации наиболее сбалансировано. В крупных и крупнейших городах шире представлены такие сегменты, как машиностроение, металлообработка, производство строительных материалов, ниже доля «полурыночного» швейного производства и сегмента деревообрабатывающих отраслей. Если рассматривать производственную деятельность как трудовую адаптацию заключённых, способствующую развитию профессиональных навыков и улучшению материального положения узников, наиболее предпочтительными становятся исправительные учреждения в крупных и крупнейших городах, когда их продукция может иметь широкий сбыт и быть наиболее «интересной», сложной для производства.

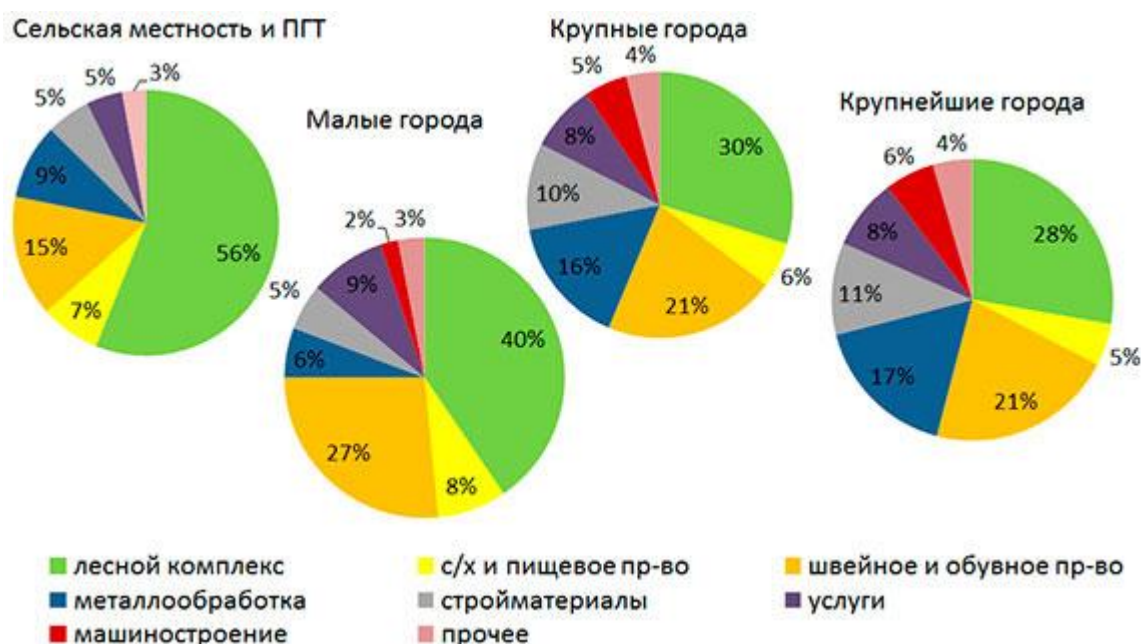
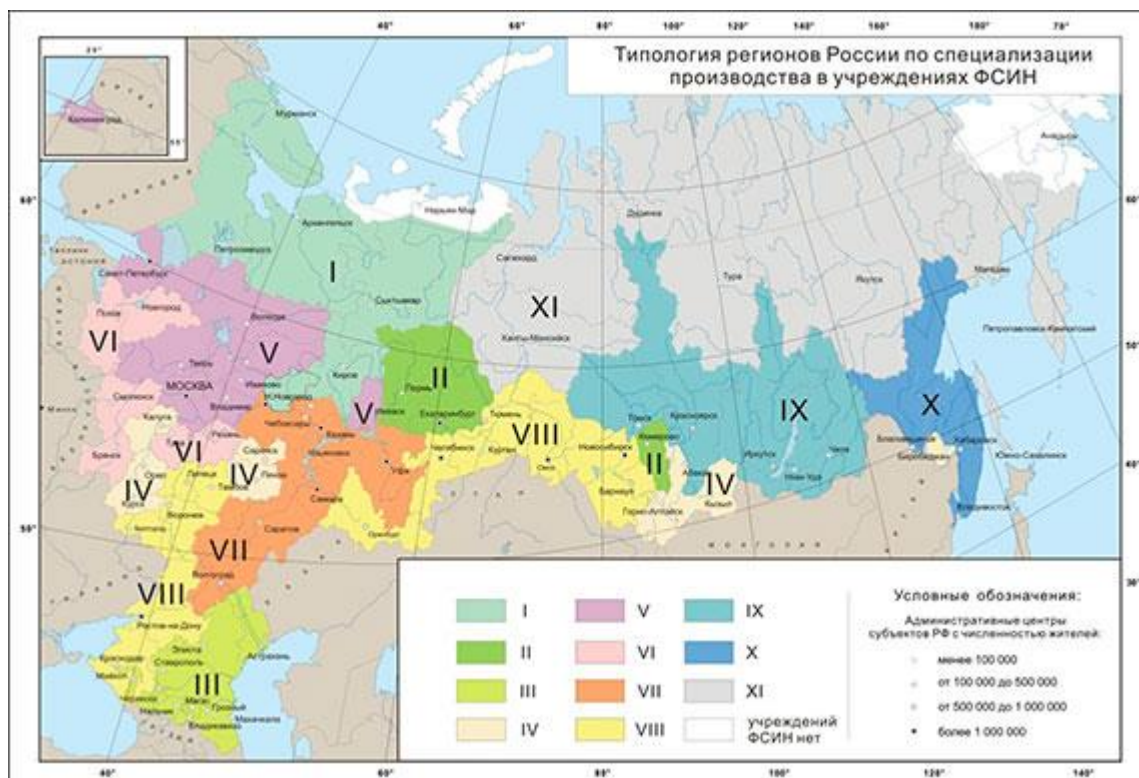

Рисунок 7. Распределение цехов производства учреждений ФСИН с различной специализацией в зависимости от величины населённых пунктов их расположения

Источник: расчёты автора по материалам открытых источников ФСИН и сайтов отдельных учреждений пенитенциарной системы

Помимо влияния местоположения исправительных учреждений в системе город-село на производство оказывает влияние и макрорасположение колоний в системе региональных экономико-географических отношений. На рис. 8 представлено экспертное районирование территории России по набору отраслей специализации исправительных учреждений (представленные практически повсеместно швейное производство, подсобное сельское хозяйство и металлообработка для внутренних нужд не учитывались).

Тип

Специализация тюремной экономики

I	Лесозаготовки и деревообработка
II	Лесозаготовки и деревообработка; металлургия и металлообработка
III	Производство товаров народного потребления и пищевое производство
IV	Подсобное сельское хозяйство, швейное производство
V	Машиностроение, металлообработка, мебельное производство – обслуживание рынков Москвы и Санкт-Петербурга (работа по заказам столичных компаний)
VI	Машиностроение (в т.ч. сельскохозяйственное), металлообработка
VII	Производство деталей для смежных машиностроительных предприятий
VIII	Сельское хозяйство и сельскохозяйственное машиностроение
IX	Лесозаготовки и деревообработка, переработка сельскохозяйственного сырья, контрагентские работы на предприятиях
X	Производство строительных материалов, мебели, погрузочные работы в портах, металлообработка
XI	Обслуживание ресурсных промыслов: ремонт труб, изготовление ЖБИ, тары

Рисунок 8. Типология регионов России по специализации тюремной экономики

Источник: Составлено автором по материалам региональных управлений ФСИН и сайтов отдельных учреждений пенитенциарной системы

Получившееся районирование отчасти напоминает сетку экономико-географических районов. Угадывается европейский Север, Поволжье, «Центральная промышленная область» (отличающаяся от Центрального экономического района сдвигом к северу) и другие.

Производственная деятельность исправительных колоний I района (условно – Европейского Севера) специализируется на лесном комплексе: лесозаготовках и деревообработке. Здесь сохранилось наследие нескольких «УЛИУ» (управлений лесными исправительными учреждениями). Помимо лесозаготовок и деревообработки в колониях Европейского Севера России налажено сувенирное производство, работают швейные цеха, в учреждениях крупных городов развита металлообработка. В Карелии развито производство дачной мебели и банного ассортимента, а также деревянное домостроение.

Отличие II района (Северо-Уральского, к которому отнесена и Кемеровская область) от Европейского Севера состоит в том, что наряду с лесным комплексом в производственной деятельности исправительных учреждений представлена ещё и металлургия. В колониях имеются цеха литья, производства металлопроката, могут производиться сварочные работы, токарная обработка. Это связано с тем, что многие уральские и сибирские металлургические заводы строились и реконструировались при участии заключённых, а цеха колоний стали функционировать как смежные производства.

Производственная деятельность в регионах Центральной России (район V) во многом подчинена потребностям столичного региона. Швейное производство специализируется на пошиве спецодежды и туристского ассортимента (включая палатки, спальники, тенты и др.). Мебельное производство ориентируется на потребительский спрос, а также на оснащение бюджетных учреждений: в исправительных учреждениях производятся кресла для зрительных залов, школьная и офисная мебель. На основе сохранившихся с советского времени партнёрских отношений с различными машиностроительными предприятиями функционирует производство электротехники, запчастей для коммунальной техники. Распространено кожгалантерейное производство – пошив сумок, школьных ранцев, спортивных рюкзаков. Изготавливается тара для пищевых производств. По заказам столичных фирм в исправительных учреждениях могут упаковывать подарочные наборы, производить одноразовую посуду, бахилы и другие изделия из полимеров.

Северо-Запад (район VI) отличается от центральных регионов тем, что здесь, помимо производства товаров повседневного спроса, развито машиностроение. До сих пор производятся радиаторы и системы охлаждения двигателей (наследие производственных связей Псковской и Новгородской областей с ленинградским предприятием «Кировец»), сельскохозяйственная техника и запчасти к ней (Тульская, Рязанская области). Также производятся отопительные агрегаты, электролампы, высоковольтная аппаратура, электропечи. В рамках налаженных производственных отношений с предприятиями Санкт-Петербурга в колониях Новгородской области производятся даже детали трубопроводной арматуры для атомной энергетики.

Обширный район VIII включает в себя наиболее развитые аграрные регионы Черноземья и Юга России, а также юг Урала и Западной Сибири. Производственная деятельность колоний в этой зоне связана с агропромышленным комплексом в целом: с товарным сельским хозяйством, пищевым производством, выпуском сельскохозяйственной техники и оборудования для животноводства. Сельскохозяйственная техника Воронежских исправительных колоний ежегодно выдвигается на конкурсы «100 лучших товаров в России». Развита переработка и производство полиэтиленовой плёнки как укрывного материала для парников и теплиц. Помимо АПК многие учреждения осуществляют выпуск строительных материалов.

В отдельный район (III) объединены регионы Северного Кавказа и юг Поволжья – тюремное производство на этой территории крайне разнообразно, но, в целом, имеет рыночную направленность. Здесь производится продукция для ЖКХ, оборудование для детских и спортивных площадок, садовая мебель, оборудование для шашлычных, печи. Есть товарное сельское хозяйство и пищевое производство.

Исправительные учреждения, расположенные в Поволжье (VII), возникали чаще всего при строительстве крупных машиностроительных предприятий. После завершения строительства их

производственные цеха стали осуществлять выпуск запчастей, комплектующих и другой продукции. Подобные производственные связи сохранились до сих пор: колонии Татарстана производят комплектующие для КамАЗа, в Самарской и Ульяновской областях производятся элементы для автомобилей «ВАЗ», в Саратовской области силами заключённых производятся сиденья для водителей троллейбусов, в Волгоградской области выпускаются комплектующие для тракторного производства. Даже швейные цеха обслуживают предприятия-смежники – заключённые шьют чехлы для автокресел и для различного оборудования. Другой вариант сотрудничества – это производство спецавтомобилей (не только для внутренних нужд ФСИН, но и молоковозов, коммунальной техники и др.) на базе производимых здесь автомобилей. Наличие хорошо оборудованных производственных цехов позволяет колониям этих регионов производить продукцию не только для смежников. Здесь развита металлообработка (вплоть до изготовления холодного оружия по специальной лицензии), электротехническое производство.

Сгруппированные в IV район территории отличаются наименее выраженной специализацией производства. В основном здесь представлены отрасли, не имеющие географической специфики – швейное производство, подсобное сельское хозяйство, производство стройматериалов и металлообработка для внутренних нужд.

Дальний Восток, как и Восточная Сибирь, разделились на южные и северные территории. На Юге продукция из учреждений ФСИН вовлечена в обслуживание потребностей населённых пунктов и местной экономики. В регионах юга Восточной Сибири заключённые много работают в лесном хозяйстве, в том числе выполняя обслуживающие функции (специализацией одной из колоний Красноярского края является вылов леса из водохранилища Богучанской ГЭС и вырубка просек для ЛЭП). В Иркутской области заключённые участвуют в реставрации памятников деревянного зодчества. Колонии Дальнего Востока обслуживают портовое хозяйство, здесь развита металлообработка для нужд ЖКХ и местных предприятий.

На Северо-Востоке (район XI), где исправительных учреждений осталось совсем немного, заключённые заняты в сферах, смежных с ресурсной экономикой: ремонтируют трубы для нефте- и газопроводов, производят тару для сырья, железобетонные конструкции для строительства.

Заключение

Исследования показали, что, в целом, территориальная организация учреждений ФСИН более или менее адекватна размещению населения России. История формирования сети исправительных учреждений во многом повторяет историю промышленного освоения территории страны в XX веке. Многие учреждения создавались для того, чтобы заключённые могли участвовать в крупных строительных проектах (металлургические и химические комбинаты, объекты гидроэнергетики, шахты для угледобычи, гражданское строительство в городах и сельских районах и др.) или ресурсном освоении территорий (в первую очередь – лесозаготовка). Далеко не все исправительные учреждения советского периода сохранились до настоящего времени, но многие, особенно в крупных промышленных городах, действуют и сейчас.

Основное количество исправительных учреждений приходится на города, а их распределение по городам различной людности соответствует распределению населения. В самых крупных городах чаще размещаются только следственные изоляторы, а исправительные колонии чаще размещены в больших и крупных городах, т.к. их возникновение нередко было связано со строительством и обслуживанием крупных промышленных предприятий. Около четверти исправительных учреждений расположены в сельской местности.

Система исправительных учреждений подвержена пространственному «сжатию», как и многие другие элементы социально-экономического наполнения территории. Постепенно закрываются исправительные колонии и колонии-поселения, расположенные в самых труднодоступных и слабо освоенных районах России: на севере Европейской части России, на Урале, в Восточной Сибири.

Заккрытие исправительных учреждений влечёт за собой целый комплекс социально-экономических последствий, которые пока не подвергались полноценному научному анализу.

На одной чаше весов оказываются удалённые сельские населённые пункты и п.г.т., для жителей которых исправительные учреждения остаются последним местом работы и от существования которых зависит судьба всего поселения. На другой чаше весов – заключённые, которые в условиях низкой транспортной доступности неформально лишаются многих прав, в том числе – на свидания с родственниками, на труд, на помощь правозащитных организаций.

В настоящее время готовятся новые решения о ликвидации исправительных учреждений, и до сих пор непонятно, как именно стоит реформировать территориальную организацию ФСИН. Чем жертвовать: правами заключённых или целыми посёлками в сельской глубинке? Для его решения этого вопроса требуется расширение полевых исследований посёлков, где располагаются учреждения ФСИН, и более активное участие представителей этой структуры в диалоге с учёными и представителями общественных организаций.

Вопрос об использовании труда заключённых, тем более принудительного, до сих пор вызывает множество разногласий у российских и зарубежных экспертов. В настоящее время особенно остро встал вопрос самой природы труда в исправительных учреждениях, так и не решено, является ли труд обязанностью заключённых или их правом, нет понимания, кто и как должен регулировать трудовую деятельность. Несмотря на многочисленные разногласия в организации труда производство в исправительных учреждениях сохраняется и реформируется. К настоящему времени трудоустроены около 30% заключённых, хотя могли бы работать около 80% от тех, кто отбывает наказание.

Исследование показало, что в позднесоветский период тюремная экономика функционировала в тесной связке с региональными и локальными производствами. Разрыв производственных связей и общий кризис 1990-х годов сказался и на всех производственных участках колоний. Многие исправительные учреждения не смогли наладить новые производственные отношения, тем более что руководство колоний должно одновременно решать и задачи охраны, и «менеджмента». До сих пор, при разговорах с руководством исправительных колоний, не покидает ощущение, что проводишь интервью с председателем совхоза: они жалуются на отсутствие государственного заказа, невостребованность их продукции, диспаритет цен и общее состояние дефицита внимания со стороны государства.

Постсоветское развитие производства в колониях подчинялось тем же закономерностям, что и региональная и локальная экономика в целом: важными оказывались и положение в системе центрально-периферийных отношений, и местные институциональные факторы, и макроэкономическая ситуация. Именно поэтому наиболее развитое современное тюремное производство сосредоточено в учреждениях, расположенных или вблизи крупных и крупнейших городов, или в регионах с благоприятными для предпринимательства институциональными условиями.

Не менее важной проблемой остаётся организация производственной деятельности в удалённых колониях: транспортные издержки делают большинство видов хозяйственной деятельности нерентабельными. Заключённые не имеют возможности трудиться, это лишает их возможности зарабатывать деньги и получать новые навыки, не считая того, что в отсутствие производственной деятельности вариантов «проведения времени» во время отбывания срока становится меньше, что опять-таки не способствует основной задаче пенитенциарной системы – исправлению преступников.

- [1] Исследование выполнено при поддержке фонда "Династия".
- [2] Аверкиева Ксения Васильевна - к.г.н., научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.
- [3] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960. Интерактивная карта, составленная © НИПЦ "Мемориал", при содействии фонда Фельтринелли и кафедры картографии географического факультета МГУ <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/ussri.htm> ; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960. Справочник. Сост. М.Б. Смирнов; Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. // М.: «Звенья», 1998. — 600 с. : карт.
- [4] Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР. / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов М.: РОССПЭН, 2009, с.25-48
- [5] Гишинский Я.М. Демография «заключённости» // Демоскоп № 361 - 362 (19.01 – 1.02 2009 19.01 – 1.02 2009) http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/s_map.php
- [6] <http://vkapkane.net/>, <http://www.forumtyurem.net/>, <http://www.syzo.org>
- [7] Стенограммы семинаров по тюремной экономике Сахаровского центра <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=1807>
<http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=2131>
- [8] ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Сборник материалов под ред. Бородкина Л.И., Хлевнюка О.В., Грегори П. // Москва, РОССПЭН, 2008 г.
- [9] Михайлова Т. Сухой остаток ГУЛАГа // Экспертный портал Высшей школы экономики ОПЕК.ru от 22.02.13 <http://www.opec.ru/1461417.html> ; Mikhaikova T. Is Regional Policy Effective in the Long Run? Learning from Soviet History // Forum for Research on Eastern Europe and Emerging Economies web-site, 20.02 2012 <http://freepolicybriefs.org/2012/02/20/is-regional-policy-effective-in-the-long-run-learning-from-soviet-history/>
- [10] Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР. / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов М.: РОССПЭН, 2009, с.25-48.
- [11] История ФБУ «Исправительная колония № 10 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ульяновской области» на сайте УФСИН Ульяновской области // http://73.fsin.su/structure/ik_10.php
- [12] История ФБУ «Лечебно-исправительное учреждение №7 УФСИН России по Астраханской области» на сайте УФСИН Астраханской области // http://30.fsin.su/structure/detail.php?ELEMENT_ID=33807
- [13] <http://www.newsru.com/russia/05jun2015/fsin.html>
- [14] Вернее было бы сказать «существовала», т.к. до последних преобразований можно было пользоваться базой, составленной изданием «Коммерсантъ. Власть» <http://www.kommersant.ru/doc/574707> , но сейчас информация теряет свою актуальность, а региональные управления ФСИН далеко не всегда публикуют информацию об учреждениях
- [15] Данные международного центра тюремных исследований, http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All
- [16] Там же.
- [17] Без учёта республики Крым и города Севастополь.

- [18] АТД России на 15 марта 2014 года
- [19] Материалы портала «Все тюрьмы России» http://tipolog.atspace.com/doc_turm_rus.htm
Лукин М., Полонский Д. «От Грозного до Керенского» - обзор тюремной власти России // материалы издания «Коммерсантъ»-«Власть» за ряд лет <http://www.kommersant.ru/doc/574707>
- [20] Поселок особого режима: жители Пуксинки просят не закрывать колонию для смертников // статья экспертного информационного канала от 20.02.2013
<http://uralpolit.ru/news/society/reviews/1361374683-poselok-osobogo-rezhima-zhiteli-puksinki-prosyat-ne-zakryvat-koloniyu-dlya-smertnikov>.
- [21] Неофициальный сайт Верхнекамского района Кировской области, <http://verhnekamje.ru/>.
- [22] Там же.
- [23] Поселок особого режима: жители Пуксинки просят не закрывать колонию для смертников // статья экспертного информационного канала от 20.02.2013
<http://uralpolit.ru/news/society/reviews/1361374683-poselok-osobogo-rezhima-zhiteli-puksinki-prosyat-ne-zakryvat-koloniyu-dlya-smertnikov>
- [24] Город в Пермском крае, бывший центр Кизеловского угольного бассейна, реструктуризированного (по сути – закрытого) в 1990-х гг. при участии средств Всемирного банка. Семьям шахтёров предлагались жилищные сертификаты, чтобы они могли переехать в другие населённые пункты, но многие так и остались жить в Кизеле и близкорасположенных посёлках.
- [25] С их материалами можно ознакомиться здесь <http://snob.ru/selected/entry/90066/page/2>
- [26] Этот митинг освещали различные издания, например, Серовская независимая газета «Глобус», <http://serovglobus.ru/miting-v-derevne-pri-gufsine-na-akciyu-protesta-protiv-likvidacii-kolonij-v-sosve-vyshli-dazhe-byvshie-zaklyuchennye/>
- [27] Интервью с ним было проведено в рамках совещания по вопросам труда в исправительных учреждениях, прошедшего во Владимире 22-23 мая 2014 г.
- [28] В 2013 г. на сайте регионального отдела УФСИН по Архангельской области был опубликован бюллетень о работе системы за 2011-2012 гг., где приводилась различная статистика по отдельным исправительным учреждениям. Это единственный случай, когда региональные управления публиковали столь подробные данные о своей работе.
- [29] Около тюрьмы: женские сети поддержки заключённых / под. ред. Е. Л. Омельченко и Дж. Пэллот. – СПб.: Алетейя, 2015. – 240 с. – (Качественные методы в социальных исследованиях).
- [30] Выступление А.В. Бабушкина на первом семинаре из цикла «Тюремная экономика» в Сахаровском центре, 1.11.2012 г. <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=1807>
- [31] Л. Альперн. «Сон и явь женской тюрьмы», С-Пб, Алетейя, 2004 г. (Серия Гендерные исследования) ISBN 5-89329-712-1, Е. Омельченко «До и после тюрьмы», С-Пб, Алетейя, 2012 г. – 350 с. (Серия Качественные методы в социальных исследованиях) ISBN 978-5-91419-743-5
- [32] Из интервью с бывшим начальником производственного участка одной из исправительных колоний Ивановской области.
- [33] Из выступления правозащитника Базунова В.В. на совещании по вопросам труда в исправительных учреждениях, прошедшего во Владимире 22-23 мая 2014 г.
- [34] «Как делать бизнес в тюрьмах: истории успеха» Эксперт Северо-Запад, №24 (133), 2003 г. <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/biznes/248833-kak-delat-biznes-v-tyurmakh-istorii-uspekha/photo/5>
- [35] «Бизнес строгого режима», FORBES http://expert.ru/northwest/2003/24/24no-sotras_51331/

[36] «Бизнес строгого режима», FORBES http://expert.ru/northwest/2003/24/24no-sotras_51331/

[37] Удалось собрать информацию примерно о 80% исправительных учреждений, данные в любом случае неполные и требующие корректировки.

[38] «В зоне прибыли: кто и как зарабатывает на заключённых» / FORBES

<http://www.forbes.ru/sobytiya/biznes/248825-v-zone-pribyli-kto-i-skolko-zarabatyvaet-na-zaklyuchennykh>